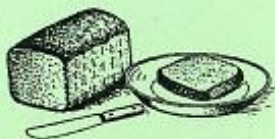

СТРАНИЦЫ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА»

М. М. СОЛОВЬЁВ

**Из рассказов
нашего папы, дедушки —
жителя блокадного Ленинграда**

Издательство «СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА»
Санкт-Петербург

продолжает проект — издание книг серии

**СТРАНИЦЫ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА»:
ТАКАЯ РАЗНАЯ ВОЙНА...**

Каждый может стать участником этого проекта.

Присылайте ваши воспоминания,
дневники и письма военных лет,
фотографии и документы

Часть тиража передается в библиотеки.

Ждем ваши материалы по адресу:

196128, Санкт-Петербург, Варшавская ул., д. 23, к. 1.
Контактный телефон: 388-93-41
Адрес электронной почты: tozvezda@yandex.ru

**СОХРАНИТЕ ПАМЯТЬ О ВАШИХ РОДНЫХ —
УЧАСТНИКАХ И СВИДЕТЕЛЯХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА СТРАНИЦАХ СБОРНИКА!**

И когда над нами грянул смертный гром

М.М. СОЛОВЬЁВ

Из рассказов мальчишка- жителя блокадного Ленинграда

Санкт-Петербург

«Северная звезда»

2020

И когда над нами грянул смертный гром

Вспомните, ребята, вспомните, ребята,
Разве это выразить словами,
Как они стояли у военкомата
С бритыми навечно головами.
Вспомним их сегодня всех до одного,
Вымостивших страшную дорогу.
Скоро кроме нас уже не будет никого,
Кто вместе с ними слушал первую тревогу.

Вспомните, ребята, вспомните, ребята,
Это только мы издали с вами,
Как они шагали от военкомата
С бритыми навечно головами.

Слова песни Сухарев Д.
Музыка Берковского В

БК84
УДК 94 (470+571) (1941-1945) Т
15

Такая разная война ... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах. - Вып. 6. ~ Приложение: Из рассказов нашего папы, бабушки - жителя блокадного Ленинграда.-СПб.: «Северная звезда», 2019. - 60 с.~ (Серия: Страницы «Бессмертного полка»),

*Посвящается матерям блокадного Ленинграда
и всем тем, кто ценой своей жизни спасал
детей блокадного Ленинграда*

ПРОЛОГ

В начале июля 194~ года от железнодорожной станции Кобона на восточном берегу Ладожского озера отошёл поезд, в товарном вагоне которого у открытой двери стоял и смотрел, как уплывают назад дома, люди, деревья, мальчик лет шести с курчавыми светлыми волосами.

К нему подошла женщина и развязала узелок верёвочки, которой был привязан к его руке небольшой кусочек клеёнки. На нём было написано чернильным карандашом:

**Соловьёв Миша Род.
21 мая 1936 г.
Ленинград
Ул. Красной Связи
Дом 6 кварт. 2**

ISBN 978-5-905042-78-2

© Издательство «Северная звезда», 2019 ©
М. М. Соловьёв, 2019

БК84
УДК 94 (470+571) (1941-1945) Т
15

Такая разная война ... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах. - Вып. 6. ~ Приложение: Из рассказов нашего папы, бабушки - жителя блокадного Ленинграда.-СПб.: «Северная звезда», 2019. - 60 с.- (Серия: Страницы «Бессмертного полка»),

Издательство «Северная звезда»
М., ул. Тельмана, д. 11. Тел./факс: 8(812) 408-1111

(Издательство)
М., ул. Тельмана, д. 11. Тел./факс: 8(812) 408-1111
www.nsv.ru
Электронная почта: info@nsv.ru

ISBN 978-5-905042-78-2

© Издательство «Северная звезда», 2019 ©
М. М. Соловьёв, 2019

*Посвящается матерям блокадного Ленинграда
и всем тем, кто ценой своей жизни спасал
детей блокадного Ленинграда*

ПРОЛОГ

В начале июля 1941 года от железнодорожной станции Кобона на восточном берегу Ладожского озера отошёл поезд, в товарном вагоне которого у открытой двери стоял и смотрел, как уплывают назад дома, люди, деревья, мальчик лет шести с курчавыми светлыми волосами.

К нему подошла женщина и развязала узелок верёвочки, которой был привязан к его руке небольшой кусочек клеёнки. На нём было написано чернильным карандашом:

**Соловьёв Миша Род.
21 мая 1936 г.
Ленинград
Ул. Красной Связи
Дом 6 кварт. 2**

Как мы жили до войны

3имой мы жили в Ленинграде на улице Красной Связи, в доме номер 6, в квартире номер 2.

– Миша, ты должен знать свой адрес как стихотворение – наизусть, – говорили мне мама и папа. – Если вдруг ты потеряешься и прохожие отведут тебя в милицию, ты должен громко, как стихотворение, сказать милиционерам, где ты живёшь с мамой и папой. Тогда милиционер отведёт тебя домой.

Летом мы с мамой и братом Толей уезжали на дачу, а папа работал в Ленинграде. Он приезжал к нам на поезде по выходным дням.

Жили мы очень хорошо. Все меня любили, хвалили, а незнакомые люди называли девочкой. Я очень сердился и говорил:

– Я не девочка, я – мальчик – Миша Пушкин.

Так меня называли мои тётя Тоня и тётя Маша, потому что у меня были длинные курчавые волосы.

Я не знал, кто такой Пушкин, но мне было приятно, когда меня называли Пушкиным, а не девочкой.

Миша

С родителями в деревне

Мама Елизавета Дмитриевна

Папа Михаил Михайлович

Хозяин дома – дядя Петя, у которого мы снимали комнату, тоже называл меня Пушкиным и гладил по голове, а хозяйка тётя Даша вечером приносила мне чашку тёплого молока. Она говорила, что парное молоко очень полезно детям. И тоже гладила меня по голове, но не называла Пушкиным.

Особенно нам было хорошо, когда приезжал папа и привозил целый чемодан вкусных вещей: конфеты «Мишка на Севере», пирожные. Мама говорила, что наш папа сладкоежка, потому что любит сладкое. Но мне конфет и пирожных почти не давали или давали чуть-чуть, хотя я тоже был сладкоежкой. Взрослые говорили:

– Миша, у тебя диатез. Если ты будешь кушать конфеты и пирожные, ты станешь золотушным ребёнком.

А всё равно, мы жили очень хорошо, хотя мне очень хотелось кушать конфеты и пирожные. Но я не хотел быть золотушным

ребёнком. Вот когда я вырасту, думал я, буду есть одни конфеты и пирожные.

Как я узнал, что началась война

Однажды папа не приехал к нам на выходной день, а дядя Петя, наш хозяин, пришёл и сказал:

– По радио сообщили, что фашистская Германия напала на нашу страну, – так я узнал, что началась война.

Папа приехал через несколько дней и сказал, что нам надо срочно возвращаться в Ленинград. Мама почему-то плакала и гладила меня по голове. А потом она пошла к дяде Пете и сказала ему, что мы уезжаем в Ленинград.

Дядя Петя пришёл к нам и говорит:

– Вам не надо уезжать, так как война скоро кончится, а немцы к нам не дойдут. Даже какой-то Наполеон не смог дойти до наших мест.

После этих слов дяди Пети папа сказал, что мы поживём ещё на даче, а сам уехал в Ленинград.

Диверсант, диверсант – Тараканище

Дядя Петя сказал маме, что ночью пролетал фашистский самолёт. Он сбросил что-то на парашюте в лес, который начинался сразу за огородом нашего дома. Потом самолёт разбросал листовки над железнодорожной станцией Апраксино. Дядя Петя показал маме бумажный листочек и что-то прошептал ей на ухо. А мне не показал бумажный листочек и ничего не шепнул на ухо. Зато громко сказал: «НКВД прочёсывает лес и ищет то, что сбросил фашистский самолёт. Возможно, это парашютист-диверсант». А пока НКВД не прочешет весь лес, нам ходить за ягодами и грибами запрещено.

На следующий день я играл на улице перед домом с ребятами, которые жили в нашей деревне или приехали на лето отдыхать. Вдруг мимо нас пробежали большие мальчики. Они кричали нам:

– Бегите с нами смотреть диверсанта! Его поймали в лесу!

Я не знал, что такое диверсант. Сначала я подумал, что это большой таракан с огромными усами. Мне мама читала книжку про такого Таракана-Тараканище, который напал на муху Цокотуху. Она сказала, что такие Тараканище могут нападать и на маленьких детей, если они одни убегают далеко от дома. Мне очень захотелось посмотреть на Тараканище, и я побежал за ребятами.

Около дома с красным флагом было много детей и взрослых, которые смотрели на человека в одежде как у всех. Люди говорили: «Вот он какой диверсант, фашист поганый!».

Но этот человек совсем не был похож на диверсанта. У него не было усов. Рядом с ним стоял милиционер и два военных с ружьями. Диверсант совсем не был страшным, потому что он не был похож на Тараканище.

Вскоре приехала грузовая машина, на которой военные и милиционер увезли диверсанта.

Как бомбили Мишкино

Взрослые обсуждали между собой, смогут ли немцы дойти до нашей деревни, окружённой густым лесом. А может, Красная армия уже победила всех фашистов? Но снова прилетел самолёт. Он гудел над нами, но его не было видно за тучами. Тётя Катя, которая ворошила траву, чтобы сделать из неё сено для нашей коровы, смотрела вверх и говорила:

– Никакой это не немец.

Но потом вдруг где-то бабахнуло, даже стёкла зазвенели в нашем доме. Тётя Катя посмотрела в ту сторону, где бабахнуло, потом повернулась ко мне и говорит:

– А может, и вправду это немец?

На крыльцо дома вышла мама и крикнула нам:

– Толя, Миша, марш домой!

Четырехлетний Миша с подружкой

Как мы ехали с дачи в Ленинград

Дядя Петя помог собрать наши вещи, сложил их на телегу. Тётя Катя почему-то плакала, гладила меня по голове и всё говорила, говорила:

– Горе-то какое. Горе-то какое.

Я хотел её успокоить и сказал:

– Не плачьте, тётя Катя. На другое лето мы к вам приедем.

Она вытерла слёзы передником и ушла куда-то. Вернулась она с корзинкой, в которой лежали яички.

– Это моему любимчику, Мишеньке Пушкину, – сказала она.

Дядя Петя повёз нас на железнодорожную станцию Апраксино. Там было много-много людей с детьми. Все ждали поезд в Ленинград.

Когда пришёл поезд, все бросились к вагонам.

– Если бы не вы, нас затоптали бы, и мы не смогли бы сесть в поезд, – сказала мама дяде Пете.

Потом дядя Петя просунул наши вещи через открытое окно в вагон, и мы поехали.

Как мы готовились к войне

Мама рассказала папе, что мы слышали от бабушек в поезде:
– Надо покупать как можно больше спичек, соли, мыла, керосина.

– Лиля, – так называл папа мою маму, – мне некогда этим заниматься. Как управдом – начальник дома, я должен подготовить дом к войне: наклеить на стёкла окон бумажные полоски; на чердаке поставить ящики с песком и бочки с водой для тушения зажигательных бомб; проверить светомаскировку окон; организовать эвакуацию детей с их мамами.

Я не знал, что такое эвакуация, но скоро узнал. Соседская девочка Мара, у которой папа стал комиссаром и уже ушёл на войну, рассказала мне, что она с её мамой скоро эвакуируются – уедут из Ленинграда на юг.

Моя мама стала готовиться к войне. Первым делом она разрезала старые газеты на полоски. Потом она вместе с папой приклеила эти полоски к стёклам нашего окна. Получились бумажные кресты.

Затем мама стала ходить по магазинам, чтобы купить соль, спички, мыло, керосин. Но, как она сказала, было уже поздно. У всех магазинов стояли длинные очереди. Одному человеку продавали только одну пачку спичек и один кусок мыла.

Пришёл папа, принёс мешок с досками и сказал:

– Это дуранда.

А ещё он сказал, что он записался в народное ополчение. Я не знал, что такое ополчение, а мама, услышав это, заплакала.

Чтобы успокоить маму, папа сказал, что ему удалось купить дров целый кубометр. Сейчас дрова привезут. Их надо принести и сложить в коридоре.

– А почему не во дворе? – спросила мама.

– Потому что во дворе уже сложено много дров. Если в них попадёт зажигательная бомба, будет пожар и сгорит весь дом.

Как мы собирали папу на войну

Папа и я пели песню:

*Были сборы недолги,
От Кубани до Волги
Мы коней поднимали в поход..,*

а мама стирала и гладила папину одежду, зашивала дырки на носках, пришивала пуговицы. Получилась большая куча вещей, которые мама старалась засунуть в чемодан.

Я тоже хотел подарить что-нибудь папе. И решил. Подарю самую любимую игрушку – игрушечный танк, который мне подарил танкист Ласько. Танк я незаметно положил на кучу вещей.

Подошёл папа, посмотрел на кучу вещей, на мой танк и сказал:

– Ничего этого я не возьму. Всё, что надо, мне дадут там. А танк пусть остаётся здесь и защищает вас от фашистов.

Папа погладил меня по волосам и сказал:

– Договорились? А теперь ступай спать.

После того как папа ушёл на войну

Когда я проснулся на следующий день, папы и мамы уже дома не было – папа пошёл на войну, а мама пошла его провожать. Об этом мне сказала тётя Лиза – мама моей сестры Нины и маленького Вовы. А ещё тётя Лиза сказала:

– Немцы приближаются к Ленинграду, началась эвакуация жителей Ленинграда. Через три дня мы с Ниной и Вовой тоже будем эвакуироваться – нас повезут на поезде.

– А куда вас повезут? – спросил я.

– Куда-то на Волгу, – ответила она.

Я не знал, где эта Волга. Хотел спросить у тёти Лизы. Но не спросил, потому что мне стало так грустно и захотелось заплакать. Теперь в нашей квартире останутся только Лёня, Тася и мой брат Толя. Они большие, учатся в школе и не хотят играть со мной. Говорят, что я ещё мал и не дорос до их игр.

Как мама провожала папу на фронт, а меня не взяла с собой

Прибежала тётя, которая жила в нашем доме, и сказала маме, что народных ополченцев нашего района сейчас отправляют на фронт. Надо срочно бежать на улицу Чайковского. Мама схватила меня за руку, и мы побежали на улицу Чайковского вместе с тётей.

На этой улице играл оркестр. Когда мы прибежали, оркестр перестал играть. Зато на гармошке играл моряк танец краснофлотцев «Яблочко». Я сразу узнал этот танец. На новогоднем утреннике в нашем детском саду я танцевал «Яблочко». За это мне дали приз – матрёшку.

Я хотел смотреть, как танцуют моряки, но мама тянула меня за руку и спрашивала людей:

– А где ополченцы? Где ополченцы?

Один военный сказал маме, что ополченцы вместе с оркестром пошли на Балтийский вокзал, где их ожидает поезд. Мама попросила знакомую тётю отвезти меня домой, на улицу Красной Связи, а сама бегом побежала догонять ополченцев и папу.

Я сидел на каменной тумбе перед воротами нашего дома, куда меня посадила мамина знакомая, и ждал маму. Раньше, когда ещё не было автомобилей, к этой каменной тумбе привязывали лошадей.

Наконец показалась мама. Она подбежала ко мне и, вытирая слёзы платком, сказала:

– Мишенька, вот тебе подарок от папы.

Подарок от папы

Мама вынула из кармана зелёную железную баночку и дала её мне. Внутри баночка была пустая. Но я догадался, для чего эта баночка. Когда папа ещё не ушёл на войну, он был назначен начальником нашего дома – управдомом. Тогда он принёс целую кучу сумок из зелёной материи.

Противогаз

В сумках были железные коробки зелёного цвета. Эти железные коробки были соединены резиновым шлангом с резиновыми шапками-намордниками. У каждого намордника было два круглых стеклянных окна, а между ними – резиновый нос. Папа сказал, что это – противогазы. Если фашисты начнут газовую атаку, все должны быстро надеть шапки-намордники. Перед этим надо отвинтить железную баночку – затычку. Тогда отрав-

ленный воздух пройдёт через уголь, который находится в железной коробке. Вредный газ застрянет на кусочках угля, а чистый воздух по шлангу пройдет в намордник. Если баночку-затычку не отвинтят, воздух совсем не будет проходить в шапку-намордник, и человек задохнется.

Теперь я понял. Папа отвинтил баночку-затычку от своего противогаза и подарил её мне и маме.

Как мама участвовала в обороне Ленинграда от фашистов

Все взрослые говорили, что фашисты приближаются к Ленинграду. Остановить их можно, если вокруг Ленинграда вырыть такую широкую и глубокую канаву, которую фашистские танки не смогут переехать. А если они попробуют, то упадут в канаву и застрянут там. Поэтому все жители Ленинграда должны пойти рыть эту канаву.

К нам пришёл новый управдом, назначенный начальником нашего дома после того, как папа ушёл на фронт. Это был старичок с усами и палочкой, на которую он опирался. Мама сказала, что его зовут Кузьмич.

Кузьмич сказал маме:

– Гражданка Соловьёва, есть приказ: всё взрослое население направить на рытьё рва (широкой и глубокой канавы) вокруг Ленинграда.

Мама спросила Кузьмича:

– А с кем я оставляю моих детей, маленького Мишу, которому только что исполнилось пять лет? Могу я взять его с собой рыть эту канаву?

– Нет, – сказал Кузьмич. – Но если вам не с кем оставить детей, вы будете дежурить на крыше нашего дома во время налётов фашистских самолётов. Если в наш дом попадёт зажигательная бомба, её надо будет схватить длинными щипцами и сбросить вниз на землю. А если начнётся пожар, зажигательную бомбу надо засыпать песком, а начавшийся пожар залить водой из бочки.

Несколько раз ночью, когда объявляли по радио воздушную тревогу – налёт фашистских самолётов-бомбовозов, – мама уходила на крышу дома, а я оставался в комнате один. Чтобы не было очень страшно, я забирался под одеяло с головой и терпел, не плакал. Потому что маме на крыше во время бомбёжки было ещё страшнее.

Как мне повезло, что у меня была бронхиальная астма

Пришёл Кузьмич и сказал:

– Во время бомбёжек погибает много жителей, особенно детей. Поэтому есть приказ: при объявлении воздушной тревоги все мамы с детьми должны прятаться в бомбоубежищах.

Бомбоубежище – это подвал большого каменного дома. У нашего дома, хотя он был большой, каменный, высокий (многоэтажный), бомбоубежища не было. Поэтому Кузьмич сказал:

– При объявлении воздушной тревоги, товарищ Соловьёва, вы должны взять документы, вещи и со своими детьми быстро

Так наши мамы защищали дома от зажигательных бомб во время налёта фашистских бомбардировщиков

идти в дом на противоположной стороне нашей улицы, в подвале которого размещается бомбоубежище.

Когда по радио объявили воздушную тревогу, мы взяли самые необходимые вещи, и мама повела меня с Толей в бомбоубежище. Перед входом в подвал-убежище было много детей с мамами. В это время на меня напал сильный кашель. Я кашлял, кашлял и никак не мог остановиться, потому что у меня была бронхиальная астма.

Одна женщина сказала:

– Гражданка, у вашей девочки коклюш. Она заразит наших детей! Её не надо пускать в бомбоубежище.

Я очень обиделся на эту женщину и хотел сказать:

– Я не девочка, а мальчик. Просто у меня длинные и курчавые волосы. Поэтому меня принимают за девочку или зовут Пушкиным. А ещё у меня нет коклюша. Просто у меня бронхиальная незаразная астма.

Но сказать я не успел, потому что тут стали бухать зенитные пушки, а на тёмном небе появились светлые полосы, которые танцевали, прыгали в разные стороны. Мой кашель сразу куда-то исчез. Было так интересно смотреть, как танцуют светлые полосы по тёмному небу. Вдруг полоски сошлись, и там, где они перекрестились, появился чёрный крестик. Женщина с белой повязкой на рукаве вдруг закричала:

– Поймали! Поймали гада! Теперь ты не улетишь!

Зенитные пушки стали бухать чаще и громче. Совсем рядом с нами. Другие светлые полосы стали тоже наклоняться к чёрному кресту, вокруг которого появлялись и исчезали белые шарики, похожие на комочки ваты.

Чёрный крестик опускался ниже и становился всё больше и больше. Я догадался, что это фашистский бомбовоз. Потом его не стало видно, он скрылся за высоким домом. Зенитки перестали бухать, исчезли с неба светлые полосы, и небо снова стало чёрным. Я был очень доволен, что меня из-за кашля не пустили в бомбоубежище, и я смог посмотреть то, что увидел.

По дороге домой мама сказала:

– У нас прочный каменный многоэтажный дом. Мы живём на первом этаже. Это тоже бомбоубежище. Поэтому во время воздушной тревоги мы будем оставаться дома, пока ты не перестанешь кашлять.

Как мы укрывались во время воздушной тревоги в своём бомбоубежище

Теперь, когда по радио объявляли начало воздушной тревоги, мы не шли в бомбоубежище, а оставались дома. Мы слушали, как бухают зенитные пушки, но того, что происходило над нами в небе, не видели. Потому что наше окно было закрыто черной занавеской. Эту занавеску называли светомаскировкой. Кузьмич со двора смотрел на наше окно – проверял, не пробивается ли через занавеску свет. Если он видел хоть маленькую светлую дырочку, он приходил к нам в квартиру и говорил:

– Срочно поправьте светомаскировку. Фашистский лётчик увидит свет в вашем окне и сбросит на вас бомбу.

Мама тут же затыкала все щелочки между занавеской и стенками окна.

Однажды, когда мы не пошли в бомбоубежище и ждали окончания воздушной тревоги дома, раздался треск, звон и погас свет.

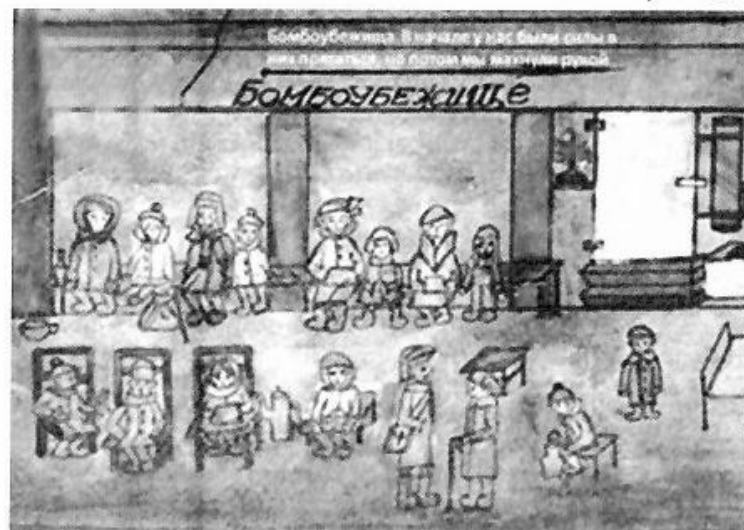
Мама обняла меня и Толю, прижала к себе. Так мы долго сидели в темноте и тишине. Наконец мы услышали громкие голоса во дворе, а затем зазвонил колокольчик над дверью в нашу квартиру. Мама пошла открывать дверь, мы за ней. Когда мама открыла дверь, в квартиру вошёл Кузьмич и ещё два человека с противогазами. Один из них спросил:

– Есть в квартире раненые или убитые? В ваш дом попала фугасная бомба.

Мама сказала:

– Мы с детьми живы.

Светя фонариком, Кузьмич и его помощники прошли по всей квартире. Стучали в каждую дверь и спрашивали:

– Все живы?

Оказалось, что наша квартира не пострадала и все жители дома остались живы. Только появились трещины и дырочки в стёклах нашего окна.

Толя сказал:

– Если бы мама с папой не наклеили бумажные крестики, стёкла разлетелись бы вдребезги.

Как мы укрепили наше бомбоубежище

На следующий день Кузьмич пришёл к нам один. Он рассказал, что фугасная бомба пробила крышу, потолки двух квартир и взорвалась. Потолки квартир на других этажах не пропустили бомбу. Поэтому наш дом пострадал не очень сильно. И ещё он сказал:

– Снаряд в одну воронку дважды не попадает.

Почему не получилось эвакуировать нас с Толей из Ленинграда на поезде

Вчера Кузьмич сказал, что мама должна завтра утром прийти с нами в школу № 183, где учатся Толя, Лёня, Тася и где буду учиться я, когда подрасту.

У школы была большая толпа людей: дети, их мамы, бабушки, старенькие дедушки. Все они были с чемоданами, к которым были привязаны дощечки, как и у нас.

Мама сказала, чтобы мы с Толей сидели на своих чемоданах, а сама подошла к тётё, которая что-то записывала в книгу. Мы сидели на чемоданах и ждали маму. Мимо нас по улице прошёл оркестр, а за ним красноармейцы и краснофлотцы.

Поговорив с тётёй, мама вернулась и сказала:

– Всё в порядке. Я записала вас в тот же класс, где учатся Лёня и Тася. Вы поедете вместе с ними. Слушайте их. Сейчас приедет машина, и вас с вещами отвезут на Московский вокзал. Запомните свои чемоданы и всё время будьте рядом с Лёней, Тасей и своими чемоданами.

Услышав это, я обрадовался:

– Ура, мы едем в Москву! Я, как Почемучка, увижу Москву, метро, зоосад!

Потом мама вынула из своей сумки кусочек клеёнки, на котором она вчера что-то записывала. Через дырочку в клеёнке была просунута верёвочка. Задрав рукав моей курточки и рубашки, она привязала этой верёвочкой кусочек клеёнки к моей руке. Затем она вынула из сумки другой кусочек клеёнки, посмотрела вокруг и стала громко спрашивать:

– Толя! Толя! Толя, где ты?

Но Толи рядом с нами не было. Оказалось, что наши чемоданы есть, а Толи нет. Мама спрашивала у всех людей, не видели ли они мальчика в сером пальто и кепке. Но никто такого мальчика не видел.

Эвакуация детей

183-я школа на улице Восстания

Тётя, которая записала нас в один класс с Лёней и Тасей, сказала, что машина ждать не может. Ещё она сказала:

– Когда вы найдёте сына, поезжайте с другим классом нашей школы.

Лёню, Тасю и всех других детей с чемоданами увезли на машинах, а Толи всё не было и не было.

Тогда мама сказала:

– Миша, сейчас я отведу тебя домой, а потом пойду в милицию и подам заявление о пропаже ребёнка.

Мы пошли домой, а когда подошли к нашему дому, увидели, что Толя сидит на нашей каменной тумбе и ждёт нас. Мама целовала, ругала Толю и плакала.

А Толя сказал:

– Я подумал, что вместе с красноармейцами идёт наш папа и вместе с другими ребятами побежал провожать его. Не плачь мама, мы эвакуируемся с другой школой завтра или послезавтра.

Но этого не случилось.

**Что случилось с поездом,
на который мы опоздали**

На следующий день мы ходили с мамой в другую школу – узнать, можно ли нам эвакуироваться с ними. Маме ответили:

– Нет, эвакуация детей временно прекращена.

Прошла ночь. Утром появились Лёня и Тася. Они рассказали нам, что поезд, в котором везли детей и на который мы опоздали из-за Толи, фашистские самолёты разбомбили около станции Мга. Очень много детей погибло, особенно маленьких. Лёня, заикаясь, рассказывал страшные вещи:

– Всё вокруг взрывалось, горело, кричали и плакали дети...

А Тася только плакала и говорить не могла. Лёня рассказывал, заикаясь:

– Железнодорожник позвал нас – старших детей, которые могли ходить сами, и велел идти по шпалам вдоль рельсов в сторону Ленинграда. Сам он остался помогать раненым и маленьким детям.

Мама плакала, слушая Лёню, обнимала Толю и ни разу его не ругала, а говорила:

– Какой ты у нас молодец, Умница.

**Как мы узнали,
что началась блокада Ленинграда**

Кузьмич рассказал маме, что в тот день, когда фашисты разбомбили поезд с детьми, они захватили железнодорожную станцию Мга и железную дорогу, по которой можно было уехать из Ленинграда в Москву или приехать в Ленинград.

Через несколько дней немцы захватили берег Ладожского озера и окружили Ленинград кольцом. Кузьмич сказал:

– Это значит, что началась блокада нашего города – Ленинграда.

Воздушные тревоги стали объявлять по радио чаще. Они стали длиннее, чем раньше.

Как наш дубовый стол спасал нас

Мы редко забирались с Толей под дубовый стол во время объявления воздушной тревоги. Но в этот раз зенитки бухали близко и очень часто, а дом наш как будто вздрагивал. Бабахало так громко, что звенели наши треснутые стёкла.

Мама сказала:

– Ребята, давайте пойдём в бомбоубежище.

А Толя сказал:

– Лучше мы спрячемся под нашим дубовым столом.

Мы с Толей, взяв свои одеяла и подушки, улеглись на полу под столом.

Толя сказал мне:

– Давай спать здесь всю ночь.

Но не успели мы заснуть, как раздался страшный грохот. Дом закачался, погас электрический свет.

Мама закричала:

– Толя, Миша, где вы? Вы живы?

Мы отвечали хором:

– Живы! Живы!

Мама зажгла свечку и заглянула под стол. Я увидел маму и не узнал. Она была вся-вся белая, как снегурочка на новогодней ёлке.

Мы вылезли из-под стола. Всё вокруг тоже было белым, как будто покрыто снегом. Пока горела свечка, мы сидели, прижавшись друг к другу. Когда свечка погасла, стало ещё страшнее. Мама попробовала открыть дверь в коридор, но не смогла. Потом послышались голоса:

– Есть тут живые?

– Это Кузьмич, – сказала мама.

– Есть! Есть! – закричала мама. – Но мы не можем открыть дверь!

Фашистские бомбардировщики летят бомбить Ленинград

– Сейчас мы вас выпустим, – сказал Кузьмич. Дверь затрещала и открылась.

– Кузьмич, что случилось? Ты же говорил, что снаряд в одно и то же место не попадает, – сказала мама.

– Это я про снаряд говорил, а это была бомба. Оставайтесь в комнате, а я поднимусь выше. Разберусь, что случилось, есть ли ещё живые. Потом вернусь к вам.

Что случилось с нашим домом и другими домами во время этой ужасной бомбардировки

Мы сидели и ждали. Стало светать. Мама отодвинула занавеску-светомаскировку, и мы увидели, что вся комната покрыта белым порошком. На столе, под которым мы прятались с Толей, кроме белого порошка лежало много кусочков нашего потолка. Мама сказала, что это штукатурка. Много маленьких и больших кусков штукатурки лежало на полу. А на потолке было много трещин. Они были похожи на паутину, но только очень толстую.

Мы с мамой пошли в домоуправление к Кузьмичу. Он сидел за столом, а перед ним сидели на стульях и стояли люди, которым он рассказывал, как в наш дом опять попала фугасная бомба:

– Бомба пробила все потолки, кроме потолка комнаты Соловьёвых). К счастью, все жильцы верхних этажей ушли в бомбоубежище. Поэтому убитых и раненых в нашем доме нет. Но много разрушенных домов, убитых и раненых в Ленинграде. Разбомбили и подожгли большой госпиталь для раненых на Суворовском проспекте, – говорил он.

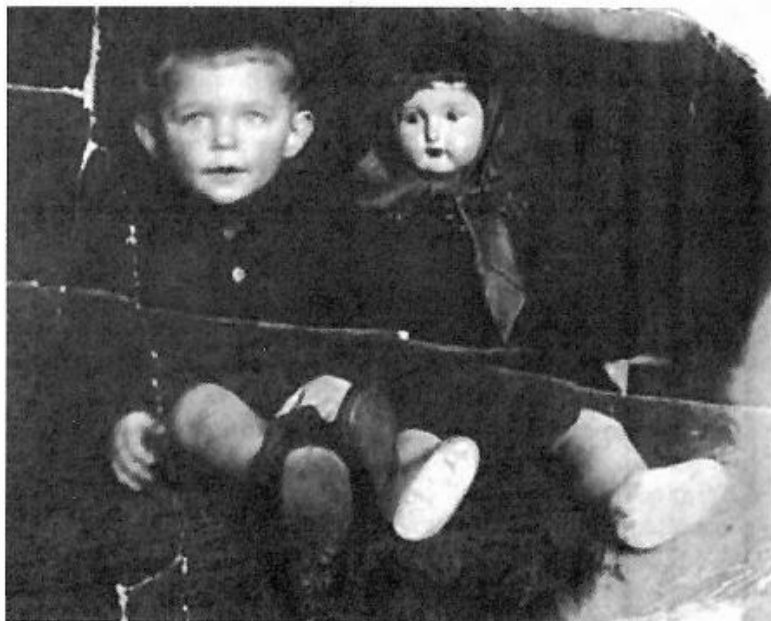
Как мы ходили в госпиталь на Суворовский проспект искать танкиста Ласько

Когда мы вернулись от Кузьмича домой, нас ждали тётя Тоня и тётя Маша. Они были дружинницами-санитарками. У них были большие санитарные сумки с красным крестом, бинтами и лекарствами. Во время воздушных тревог они помогали детям и старым людям прятаться в бомбоубежищах и возвращаться домой после окончания воздушной тревоги. Если в дом попала бомба, их отвозили на машине, помогали искать и выводить людей на улицу. Ухаживали они за больными и ранеными в госпитале.

Тётя Тоня и тётя Маша обрадовались, что мы живы и здоровы, но беспокоились за других наших родственников, которые жили на Литейном и Суворовском проспектах.

Ещё они беспокоились за раненого танкиста – дядю Колю Ласько, с которым познакомились после окончания войны с Финляндией.

Когда кончилась война с Финляндией, Красная армия возвращалась домой через Ленинград. Жители Ленинграда встречали красноармейцев и приглашали в гости. К нам в гости пришли два танкиста: дядя Коля Ласько и другой танкист, как его звали, – я не помню. Мне они подарили игрушечный заводной танк. Если его завести ключиком, он мчался и строчил искрами.

Миша с куклой, которая погибла при бомбежке

Когда началась война с фашистами, дядя Коля Ласько* прислал нам письмо – сообщил, что их танк подбили. Они остались живыми, но получили ожоги. Для лечения их отправили в Ленинград, в госпиталь на Суворовском проспекте.

Вместе с тётёй Тоней, тётёй Машей и мамой мы пошли на Суворовский проспект искать танкиста Ласько. По дороге мы встретили наших родных, которые жили на Литейном проспекте. Они рассказали, что в их дом тоже попала бомба. В квартире возник пожар, сгорело много вещей. Погибла кукла, с которой я любил играть, когда приходил к ним в гости.

Узнав это, я очень расстроился. Это была моя любимая кукла.

* Николай Ласько погиб в 1943 г., по-видимому, на Курской дуге.

Как горел госпиталь на Суворовском проспекте

Мы прошли мимо Таврического сада, подошли к Суворовскому проспекту и увидели чёрный дым над большим-большим домом. Кое-где был виден огонь в окнах этого дома.

Вокруг дома было много машин и людей. Были машины красного цвета, машины с красными медицинскими крестами и просто грузовые машины. Близко к дому никого не пускали. Нам было видно издалека, как пожарные, люди в белых халатах, красноармейцы выносили на носилках кого-то из дверей, из окон дома и несли к машинам.

– Ужас какой! – сказала мама. – Я больше не могу видеть этого!

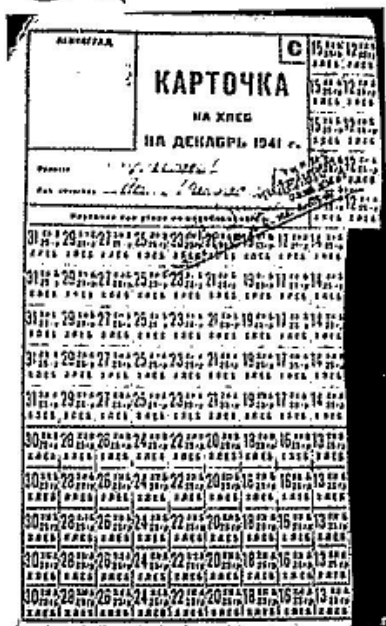
Мы пошли домой. Дома нас ждали другие родственники, которые жили рядом с Суворовским проспектом. Дом их тоже разбомбили. Они думали, что смогут пожить у нас. Но когда увидели наш дом после бомбёжки, нашу квартиру, наш потолок, решили искать другое место для жилья.

Хлеба на талончики стали давать меньше

Хлеб уже не продавали сколько хочешь, а выдавали по талончикам продуктовых карточек. Обменивали талончик на такой кусочек хлеба, который весил столько граммов, сколько было написано на талончике. Для этого из продуктовой карточки мама осторожно вырезала ножницами маленькие бумажки-талончики так, чтобы они болтались, но не отваливались совсем.

Мама говорила:

– Это я делаю для того, чтобы продавцу в булочной не надо было вырезать талончик ножницами. Если он будет вырезать ножницами талончики, он по ошибке может отрезать лишний талончик. Тогда мы останемся без хлеба.

Взрослые всё время обсуждали, где можно купить, обменять или достать еду. Мамина знакомая сказала, что на колхозных полях около Ленинграда можно найти остатки урожая. Она знает, где есть такое поле, на котором выращивали капусту. Одна она боится ехать туда. Мама согласилась поехать с ней вместе.

Вернулась мама вечером с мешком, в котором что-то лежало. Она рассказала мне и Толе, как они добиралась до капустного поля. Сначала они ехали на трамвае до последней его остановки. Потом шли по болоту, лесу, так как на дорогах стояли красноармейцы. Они разрешали идти по доро-

ге только тем, у кого был пропуск. У мамы и её знакомой пропуска не было.

Наконец они пришли на колхозное поле, где раньше выращивали капусту. На поле было много воронок – ям, куда падали и взрывались бомбы и снаряды. Земля вокруг воронок была разворочена и из неё торчали капустные корешки и почерневшие капустные листья – ботва.

Мама раскрыла мешок, который она привезла. В нём были капустные корешки и ботва. За капустными корешками и ботвой мама ездила со знакомой ещё два раза. Всё что привезла, она сложила в большие кастрюли и посыпала сверху солью – засолила.

Папа здоров, но пока лечится в госпитале

Мама получила письмо – складной бумажный конвертик, в котором папа писал, что у него всё в порядке, он здоров, но пока лежит в госпитале во дворце на Садовой улице.

Мама одела меня, взяла зонтик, потому что на улице шёл дождь, и мы поехали на трамвае к папе. Его госпиталь был за железным забором близко от Невского проспекта.

Красноармеец в будке никого не пускал в госпиталь, даже нас с мамой. Хотя мама говорила ему:

– Нельзя запретить встречу отца с сыном. Я буду жаловаться вашему командиру.

Тогда красноармеец позвонил кому-то по телефону и сказал, что жена раненого Соловьёва будет жаловаться начальнику, если её с сыном не пустят в госпиталь. Потом он положил трубку телефона и сказал: Ждите!

Мы ждали долго. Я замёрз, потому что шёл дождь и дул холодный ветер. Вдруг из дверей госпиталя-дворца вышел человек и побежал к нам.

На нём был темный халат, как у мамы. Халат не был застёгнут, и было видно, что под халатом у него белая рубашка и белые штаны, а на ногах шлёпанцы, как у нашей бабушки. Сразу я не узнал, что это мой папа, а потом узнал, когда он стал целоваться с мамой через железные палки забора. Они о чём-то быстро говорили. Так быстро, что я ничего не понимал. Мама совала папе в руки что-то завернутое в бумагу, а он говорил:

– Не надо, Лиля, не надо.

Потом мама сунула свёрток в карман папиного халата и всё говорила:

– Иди, Миша, иди, Миша, иди быстрее, а то промокнешь и простудишься.

Наконец папа послушался маму и пошёл в госпиталь. Но вдруг он обернулся, быстро подошёл ко мне и сунул незаметно через забор мне под пальто свёрток, который мама положила ему в карман халата.

Когда мы приехали домой, мама помогла мне снять пальто. И тогда на пол упал свёрток, завернутый в бумагу. Мама подняла свёрток, посмотрела на него и заплакала.

У нас праздник. Папа пришёл домой из госпиталя, а завтра он уйдёт обратно на фронт

Папа пришёл домой из госпиталя неожиданно. Он был в шинели, а под шинелью у него была зеленая красноармейская рубашка-гимнастёрка и зелёные военные штаны – галифе. Папа сказал, что его отпустили домой на одну ночь. Завтра утром он должен прийти в госпиталь, а оттуда их отправят на фронт. Мама то плакала, то смеялась снова и снова. Она повторяла:

– Сейчас мы устроим тебе баню, а потом будем праздновать твоё выздоровление.

Она затопила печку, которая грела воду для купания в ванной. Папа говорил:

– Хватит, Лиля, экономь дрова.

А мама говорила:

– Ничего! Живём один раз. Праздник так праздник!

Вода согрелась, и мама стала помогать папе снять рубашку-гимнастёрку и белую рубашку, на которой было много зелёных пятен. Когда они сняли с папы рубашку, я увидел на спине, руках и на шее у папы много-много прилипших зелёных тряпочек. Я потянул одну тряпочку, которая висела на одной ниточке, но мама сказала

– Не надо. Папе будет больно.

Потом меня послали в комнату слушать радио.

Когда папа и мама вернулись после бани, мы начали праздновать папино выздоровление. Папа развязал свой мешок и вынул из него полбуханки хлеба, железную банку и бумажный кулёк с сахаром. Он сказал, что им выдали сухой паёк: хлеб, по куску сала и одну банку мясных консервов на двоих. Папа предложил товарищу взять всё сало, а ему отдать всю банку консервов. Товарищ согласился.

Папа открыл ножиком консервную банку, поставил её перед нами и сказал:

– Кушайте, кушайте всё до конца. На фронте нам ещё дадут.

Мама взяла тарелку, пошла в кладовку и принесла засолённую капустную ботву – капустные листья и корешки. Папа ел ботву и хвалил, а мы с мамой – консервы, которые мне очень понравились. Но мама сказала:

– Хватит. Оставим на завтра, послезавтра и для Толи.

Папа спросил:

– Почему Толя так долго задерживается в школе?

Мама ответила, что теперь ученики старше 12 лет после уроков проходят производственное обучение – учатся слесарному делу. Мама стала расспрашивать папу, как он воевал, сколько он убил фашистов. Папа улыбнулся и сказал:

– Лиля, когда на нас наступали немцы под Кингисеппом, мы, ополченцы, их не видели. У нас были только винтовки. Мы сидели в окопах и ждали, когда увидим немцев, чтобы стрелять в них. Но они не шли в атаку, а непрерывно обстреливали нас из миномётов. А потом на нас пошли немецкие танки. В это время надо мной разорвалась мина, и я потерял сознание. Очнулся я, когда наш санитар тащил меня по земле. Потом я очнулся от боли, когда меня везли в грузовике в госпиталь. И ещё раз – после операции, когда хирург сказал: «Вот тебе, Соловьёв, на память осколки, которые мы удалили из тебя. Там ещё много осталось. Будешь носить их в себе и вспоминать меня». Так что, Лиля, живого немца я ещё не видел. Но когда увижу, выстрелю в него и не промахнусь!

Папа вынул из кармана гимнастёрки мешочек и высыпал из него на стол кусочки железа. Кусочки были кривые, с острыми краями. Очень противные. Папа сказал:

– Это вам на память!

А мама ответила:

– Мы положим твои осколки в чашку-крышку от противогаза, которую ты подарил нам, когда уезжал на фронт. А сейчас, Мишенька, тебе пора спать!

совсем. Было ужасно вкусно и ужасно жалко воробышка. Я даже начинал плакать. Но мама говорила мне:

– Не плачь, Миша. Если бы не этот воробышек, ты умер бы от голода. Поэтому не плачь, а скажи ему спасибо.

Я переставал плакать, кушал суп из воробышка и про себя говорил:

– Большое спасибо тебе, Воробышек.

Даже когда я вырос и стал взрослым, я часто вспоминаю воробышка, который спас меня во время блокады Ленинграда, и говорю про себя:

– Большое спасибо тебе, Воробышек!

Как мы все дружно жили в одной комнате

Когда папа уходил на войну, он купил дрова и сложил их в углу коридора у нашей комнаты. Те, кто в темноте натыкались на дрова, поругивали нас. Я даже сам слышал, как мама Лёни и Таси споткнулась в темноте и сказала:

– Ну вот, нашли место для дров. Лучшего не придумали.

Когда пришла зима и стало холодно, все перестали ругать папу за дрова в коридоре. Дрова, которые до войны лежали во дворе, куда-то исчезли.

Все стали замерзать в своих комнатах, кроме нас. У нас в комнате была своя круглая печка, а в коридоре – дрова. Мама, как она говорила, экономно протапливала печку. Чтобы тепло не уходило из комнаты через щели в двери, она прибила на дверь большое ватное одеяло. Над светомаскировочной занавеской повесила другое одеяло. Мама Лёни и Тоси попросила разрешения греться её детям в нашей комнате.

– Хорошо, – сказала мама, – пусть дети приходят после школы к нам, а если вы поставите кровать, пусть они остаются на ночь. В тесноте, да не в обиде! Но договоримся, кушать все будут в своих комнатах.

Потом вместе с кроватью перешли жить в нашу комнату моя бабушка, её дочки тётя Тоня и тётя Маша.

Мама Лёни и Тася тоже стала жить у нас – спать на кровати со своими детьми. В комнате стало тесно, но зато тепло и весело. Мама и Тася при свете коптилки читали нам вслух интересные книги. Особенно мне нравилась книга про Почемучку. Он со своей мамой поехал в Москву и увидел там много интересного, чего я ещё не видел. На самом интересном месте мама часто говорила:

– Всё дети, конец. Завтра дочитаем. Надо экономить керосин, – и задувала коптилку.

В темноте мы разговаривали, Тася рассказывала сказки. Лёня сказок не рассказывал, потому что он сильно заикался, и мы его передразнивали. Он сердился, но не очень. Ещё мы слушали радио.

Как мы вместе слушали радио

Электричества не было, зато было радио, которое можно было слушать в темноте. Радио – чёрная картонная тарелка, висела на стене. Радио сообщало нам о начале и окончании воздушной тревоги или артиллерийского обстрела. Во время воздушной тревоги и артиллерийского обстрела оно не говорило, а только тукало: тук-тук, тук-тук, тук-тук. По радио нам рассказывали, как Красная армия бьёт фашистов, сообщали, сколько хлеба будут выдавать по талончикам рабочим, детям и тем взрослым, которые не работают, – иждивенцам.

Радио начинало работать очень рано, когда было ещё темно. Я лежал под ватным одеялом и слушал его. Мне нравилось слушать такие песни по заказам красноармейцев, как «Синенький скромный платочек»; «Уходили комсомольцы на гражданскую войну»; «Выходила на берег Катюша»; «Вставай, страна огромная».

Я слушал эти песни и тоже пел. Но Тоня говорила мне:

Наши неприятности

Первая наша неприятность – мороз, который становился всё сильнее и сильнее. Для экономии дров печку топили только тогда, когда надо было согреть воду для чая. На окно повесили ещё одно ватное одеяло.

Вторая неприятность – хлеба по талончикам стали давать совсем мало. Чтобы его получить, мама рано утром шла в булочную под АПТЕКОЙ и очень долго стояла там в очереди. Иногда она возвращалась замёрзшая и без хлеба. Говорила:

– Сегодня не было утреннего завоза хлеба.

Чтобы развеселить нас, она рассказывала такую историю про Толю, булочную и АПТЕКУ:

История, которую рассказала нам моя мама;

– Когда Толя был маленьким и только начинал учиться читать – учил название букв. Я вместе с ним ходила в ближайшую булочную за хлебом, французскими булочками, баранками. Булочная располагалась на первом этаже дома, а на втором этаже была аптека. Над окнами аптеки было написано очень большими буквами АПТЕКА. Увидев эту надпись, Толя читал её вслух: А – П – Т – Е – К – А.

– Ну что получилось, – спрашивала я. – БУЛОЧНАЯ, – отвечал он».

Другая история, которую рассказала нам моя мама.

– С этой булочной связана и другая, немного грустная история, – начала мама. – Булочная под аптекой располагалась близко от нашего дома. Толя, когда он подросток и учился в четвёртом классе, очень хотел быть самостоятельным мальчиком. Он просил у меня разрешения самому ходить в булочную и покупать там что-нибудь. Я долго не давала согласия, считая его ещё маленьким, но в конце концов разрешила. Дала ему деньги и предложила купить батон. Толя долго не возвращался. Я стала волноваться. Наконец зазвенел колокольчик над входной дверью. Я открыла дверь. Передо мной стоял заплаканный Толя, в руке он держал маленькую часть батона – горбушку. Что с тобой случилось, Толя? – спросила я.

– Мама, мальчики откусили у меня батон.
– Как же это случилось? – спросила я.
– Ко мне подошёл мальчик из нашего дома и попросил разрешения откусить маленький кусочек батона. Я разрешил. Не успел мальчик откусить и проглотить кусочек батона, как подбежали другие мальчики и стали без разрешения откусывать кусочки от нашего батона.

– А сам-то ты кусал батон? – спросила я.

– Кусал, но только чуть-чуть.

А мне всё время хотелось кушать. Слушая маму, я завидовал Толе, тому, что он всё же откусил кусочек батона. Я бы на его месте откусил половину батона!

Мы очень расстраивались, когда не было завоза хлеба. Хорошо, что мама засолила капустные листья и корешки. Из них она варила в печке очень вкусный суп – щи.

И ещё одна неприятность, очень неприятная. Папа Лёни и Таси был военным шофёром и воевал где-то на фронте. Когда морозы стали очень сильными, Ладожское озеро покрылось льдом. Тогда военные шофёры стали ездить на грузовых машинах по льду с одного берега Ладожского озера на другой и возить в Ленинград хлеб и другую еду, а из Ленинграда – детей, раненых, больных и тех, кто от голода мог вот-вот умереть.

И вот однажды, когда в комнате мы были вдвоём с бабушкой, в дверь кто-то постучал и вошёл человек, который сказал:

– Я папа Лёни и Таси. Где они?

До войны я видел папу Лёни и Таси, но это был совсем другой человек. Он был бородатый, в шапке-ушанке и в валенках. На руках у него были рукавицы с тремя пальцами. Совсем такие же, какие вязала моя мама.

Я сказал, что Лёня и Тася в школе, а где их мама – не знаю.

Папа Лёни и Таси сказал, что у него есть всего пять-десять минут, чтобы эвакуировать их. И ушёл.

Когда Толя вернулся из школы, он рассказал, что бородатый человек действительно папа* Лёни и Таси. Он на грузовой

* Погиб на Дороге жизни зимой 1941–1942 гг.

СТРАНИЦЫ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА»

Дорога жизни через Ладожское озеро

машине привёз хлеб в Ленинград. Как только стемнеет, он повезёт из Ленинграда детей, раненых и больных. Командир разрешил ему эвакуировать его детей – Лёню и Тасю.

То, что Лёню и Тасю эвакуировали, была для меня самая большая неприятность. Я подумал, что не с кем мне будет петь песни, не будет больше Тася читать мне книжки и рассказывать сказки. В комнате сразу стало темнее и холоднее.

Неприятности не кончились

После эвакуации Лёни и Таси неприятности не кончились.

Пришла тётя Тоня и принесла мне игрушку, которую она подобрала в снегу у нашего дома. Это была большая железная

В БЛОКАДЕ

штука с железными крылышками, непохожая ни на что. Если её положить, то между железными крылышками помещался игрушечный танк, который мне подарил танкист дядя Коля Ласько. Танк уже не заводился и не строчил искрами, так как заводной ключ от танка давно потерялся. Но всё равно с ним было интересно играть. Во время игры с танком и подаренной мне железной штукой я услышал, как Тётя Тоня сказала маме:

– Теперь мы с Машей совсем не будем ночевать дома и очень редко приходиться домой. Нас взяли в школу, в которой мы будем учиться днём и ночью.

Это значит, что в комнате нас осталось только трое – я, мама и бабушка.

Бомба — это не игрушка

На следующий день к нам зашёл Кузьмич и спросил, как мы живём. Мама рассказала ему, что теперь в комнате нас осталось трое: Лёню и Тасю их папа срочно, прямо из школы, эвакуировал на машине через Ладожское озеро. Их мамы мы не видели. А тётю Тоню и тётю Машу приняли в школу, в которой они будут учиться днём и ночью. Комнаты их остались открытыми.

– Сейчас я вместе с вами, Елизавета Дмитриевна, опечатаю эти комнаты для того, чтобы сохранились все вещи.

Кузьмич посмотрел на меня и строгим голосом спросил:

– А что это у тебя, молодой человек?

Я рассказал ему, что эту железную штуку подарила мне тётя Тоня. Она нашла её около нашего дома в снегу.

– А знаешь ли ты, что это такое? Это часть от немецкой бомбы-зажигалки. Она упала в сугроб снега и потому не взорвалась, не зажглась. Но от удара она переломилась. Дай мне эту штуку. Бомба – не игрушка для детей. А я пойду посмотрю, нет ли в сугробе главной части бомбы.

Он взял мою железную штуку от бомбы и ушёл.

Как тётя Тоня и тётя Маша прыгали со стола и учили азбуку

Тётя Тоня и тётя Маша долго не приходили домой. Мама не знала, где можно узнать, не случилось ли с ним чего-нибудь. Но вот пришла тётя Тоня. У неё не было санитарной сумки с красным крестом. Зато она была одета как красноармеец. У неё была зелёная рубашка-гимнастёрка, зелёные штаны-галифе, сапоги и шинель с ремнём. На плече висела тряпочная противогазная сумка.

Тётя Тоня сняла сумку и открыла её. Противогаза в ней не было. Она вынула из сумки бумажный пакет, в котором оказался хлеб, два больших куска сахара и железная столовая ложка. Я спросил, зачем она носит в сумке ложку, а не противогаз. Она ответила:

– Ложка – это главное оружие солдата, – и засмеялась.

Мама спросила:

– В вашей школе учат стрелять из ложки?

Тётя Маша снова засмеялась и сказала:

– Нас учат и стрелять, и со стола прыгать, и азбуку учить.

Я удивился и сказал:

– Тётя Маша, я думал, что ты уже знаешь всю азбуку. Ведь ты мне часто читаешь книжки.

– Мой любимый дурачок, Мишенька, – это азбука Морзе, – сказала она.

Когда кончилась зима

Когда кончилась зима, началась весна. Появилось солнце, закончились дрова в коридоре. Кузьмич разрешил нам перебраться в солнечную комнату, где раньше жила Мара с папой и мамой. Нам он сказал, что мы не должны трогать вещи, оставшиеся после эвакуации хозяев этой комнаты.

Когда появлялось солнце, в комнате становилось жарко. Жили мы в этой большой светлой комнате втроём: я, мама и бабушка.

В Ленинград пришло электричество, стал ходить трамвай по улице Восстания мимо булочной под аптекой. Заработали станки на маминой фабрике, и она стала ходить на работу. Кусочки материи, из которых я вытягивал нитки и связывал их узелками между собой, тоже кончились. Зато на фабрику привезли много длинных ниток, намотанных на деревянные катушки – шпули. Из этих ниток мама вязала на станке тёплое бельё для красноармейцев.

Как нам прибавили хлеба, но бабушки всё равно не стало

Мама ушла на работу – на фабрику, а мы остались вдвоём с бабушкой. Бабушка очень тихо позвала меня:

– Мишенька!

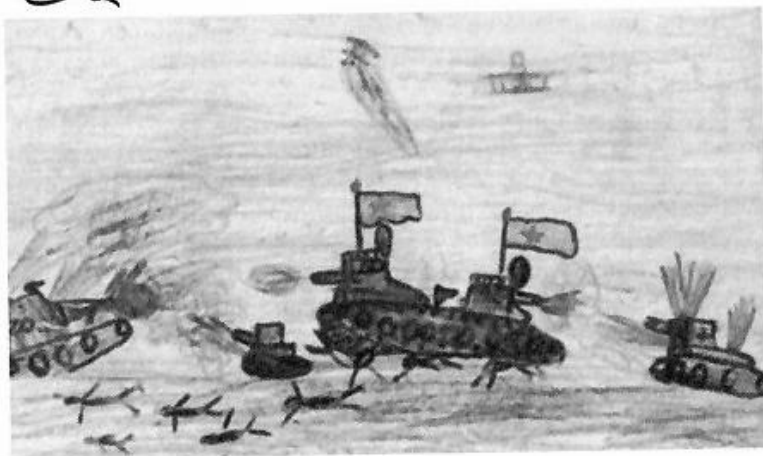
Я подошёл к ней. Она достала из-под подушки кусочек хлеба и протянула его мне. Я сказал:

– Бабушка, я не хочу, – хотя мне очень хотелось кушать. Я помнил, что мне говорила мама – не бери у бабушки хлеб. Но мне так хотелось кушать, что я опять сказал:

– Спасибо, бабушка. Но только половинку кусочка.

Я отщипнул себе половинку кусочка, а другую половинку положил ей в руку и пошёл рисовать, как наш танк сбивает фашистский самолёт.

Когда я закончил рисунок, то подошёл к бабушке, чтобы показать его ей. Но она так крепко спала, что даже не посмотрела на рисунок. Я не стал будить бабушку, а пошёл рисовать другой рисунок. Как наш самолёт догоняет фашистский бомбовоз и отрубает ему хвост пропеллером. Такой отрубленный хвост я видел на грузовой машине, когда началась блокада Ленинграда.

В это время по радио сообщили, что по талончикам продуктовых карточек будут давать больше хлеба, а еще будут выдавать яичный порошок.

Я обрадовался и закричал:

– Ура, бабушка, ура! Нам прибавили хлеба. Ура!

Но бабушка крепко спала и не просыпалась.

Я стал рисовать другую картинку. Как грузовая машина, которой управляет папа Лёни и Таси, везёт хлеб в Ленинград, а наши зенитные пушки не дают фашистскому бомбовозу разбомбить машину с хлебом.

Когда пришла мама, я показал ей все картинки, которые я нарисовал. Она сказала:

– Молодец!

Сняла пальто и подошла к бабушке.

– Мама, бабушка так крепко спала, что не проснулась, когда по радио сказали, что теперь будут давать больше хлеба по талончикам.

Мама наклонилась к бабушке. Бабушка продолжала крепко спать, а её половинка кусочка хлеба лежала всё ещё у неё на ладони.

Мама вдруг заплакала, повернулась ко мне и сказала:
– Мишенька, нашей бабушки не стало*.

Как к нам приходил папа девочки Мары — раненый комиссар

Когда мама уходила на работу, я оставался в комнате один. Перед уходом она говорила:

– Мишенька, никому не открывай дверь, – и закрывала её ключом.

Иногда мне становилось страшно, особенно когда по радио объявляли артиллерийский обстрел или воздушную тревогу. Тогда для храбрости я брал швабру и был готов стрелять из неё как из ружья в диверсантов, шпионов, как только они подойдут к двери и попытаются открыть её.

Однажды, когда я был в комнате один, в дверь кто-то постучал и громко спросил:

– Есть кто дома? Открывайте!

Я очень испугался и громко крикнул:

– Не открою! Мама не велела!

Вдруг щёлкнул замок, дверь открылась, и в комнату вошёл Кузьмич. Я даже не успел взять в руки мою швабру-ружьё. За Кузьмичом стоял немного бородатый военный. Голова у него была забинтована. Кузьмич обернулся к военному и сказал:

– Это сын Михаила Михайловича, тоже Миша.

– Я знаю его, – сказал военный.

– Миша, а я – папа Мары. Ты узнал меня? – и протянул мне руку как взрослому.

– Нет, – сказал я. Раньше я видел папу Мары, но он не был военным, и на голове у него не было белой повязки из бинта.

– Миша, – сказал Марин папа**, – я был ранен. Сейчас я возвращаюсь на фронт. У меня нет адреса, куда эвакуировали

* Бабушка похоронена на Пискарёвском кладбище.

** Погиб на Ленинградском фронте в 1942–1943 гг.

Мару и её маму. Если ты встретишь Мару или её маму, расскажи им, что сейчас я здоров. А еще дай своей маме вот эту газету. Пусть она передаст её Маре или её маме.

Он вынул из командирской сумки небольшую газету и протянул её мне. В газете я увидел картинку и сразу же узнал папу Мары, каким он был до войны, хотя на нём была военная гимнастёрка с ремнями и фуражка со звездой.

Кузьмич, обращаясь к военному, сказал:

– Не беспокойтесь. Все ваши вещи сохранены. Когда вы и ваша семья вернётесь в Ленинград после войны, всё будет в порядке, – и они ушли, закрыв дверь на замок.

Когда пришла мама, я рассказал ей о том, что приходил Кузьмич с военным, который оказался отцом Мары. Я дверь не открывал, но Кузьмич открыл её своим ключом. Так что я не виноват.

Мама сказала:

– У Кузьмича есть ключи от всех-всех дверей нашего дома для того, чтобы он мог входить в любую комнату и проверять, всё ли в порядке, все ли живы.

Самая вкусная еда в мире — шпроты

Когда пришло лето, стало совсем тепло и стали еще больше выдавать хлеба по талончикам. Пришли какие-то женщины и сказали, что для детей работающих матерей открылись детские сады. Там дети могут получать усиленное питание.

Утром мама стала отводить меня в детский сад, а сама шла работать на фабрику. Нас кормили завтраком, обедом. Кормили хорошо. Я съедал с аппетитом всё, что мне давали. Но всё равно я хотел кушать ещё.

Когда громкоговорители на улице объявляли воздушную тревогу, воспитатели вели нас в бомбоубежище, а когда объявляли начало артиллерийского обстрела, нас уводили с улицы в детский сад или во двор дома.

В мае наступил день моего рождения. Мне исполнилось шесть лет.

Мама достала откуда-то маленькую железную банку консервов и сказала:

– Мишенька, эту баночку консервов вместе с железной баночкой-затычкой для противогаса передал нам на память папа, когда я провожала его на фронт в самом начале войны. Я спрятала её и берегла на чёрный день. Но сегодня у нас не чёрный, а светлый, праздничный день. Давай откроем эту баночку консервов?

– Давай! – сказал я радостно.

На банке были нарисованы рыбки. Когда мама открыла консервным ножом банку, в ней действительно были вкуснейшие рыбки в масле. Масло тоже оказалось очень вкусным. Каждому из нас, мне и Толе, мама достала по одной рыбке и по чуть-чуть масла, в которое мы макали наши кусочки хлеба. Остальные рыбки мы оставили на потом и кушали по полрыбки в день, пока они не кончились. Мне так понравились эти рыбки, что я нарисовал, как мы пируем на моём дне рождения. На столе стоит банка консервов. Название рыбок я срисовал так, как оно было написано на настоящей консервной банке: ШПРОТЫ. Теперь я знал, что самая вкусная еда в мире – ШПРОТЫ.

Как у нас пропал Толя

Толя учился в школе, а после уроков ещё учился работать слесарем. Часто он приходил домой поздно. Тогда мама ругала его. Но однажды он не пришёл домой совсем. Мама очень волновалась и переживала. Она ходила в школу, в милицию и даже в больницы, госпиталя, куда поступали раненные во время артиллерийских обстрелов и бомбёжек жители Ленинграда. Но всё было напрасно. Никто не знал ничего о нашем Толе.

Искали Толю и тётя Тоня, и тётя Маша. Они закончили учиться в школе и стали настоящими красноармейцами. Теперь у них вместо зелёных брюк-галифе были зелёные платья. Но даже они не могли найти Толю. Мама часто плакала по ночам.

Однажды пришёл Кузьмич и сказал маме, что ей надо пойти туда, где ищут пропавших людей. Она пошла туда. Там ей сказали, что её сын, наш Толя, нашёлся. Оказалось, он подошёл к

командиру одной военной части, сказал, что он остался сиротой, и попросил, чтобы его взял в эту часть воспитанником. Командир приказал эвакуировать Толю из Ленинграда в город Вологду, где был специальный детский дом для сирот.

Мама решила, что мы должны отправиться в Вологду, чтобы найти Толю. Но вначале мы посоветуемся и попрощаемся с папой, который воюет на Ленинградском фронте.

Как нам помогли узнать, где воюет папа, и разрешили сходить к нему в гости

Мама рассказала Кузьмичу о решении ехать в Вологду за Толей и желании посоветоваться с папой. Кузьмич сказал, что разрешение на встречу с папой могут дать только в Большом доме. Мы с мамой пошли в Большой дом. Идти было не далеко, Большой дом располагался на Литейном проспекте, недалеко от Невы.

Красноармеец с ружьём не пускал нас в Большой дом. Мама плакала и говорила ему:

– Пожалуйста, пропустите нас к начальнику, который может помочь мне встретиться с мужем перед эвакуацией из Ленинграда. У меня пропал сын. Необходимо найти его. Помогите бедной женщине, пожалуйста!

Она показывала красноармейцу письмо-конвертик от папы, на котором был написан номер его военной части. Наконец другой красноармеец с наганом в кобуре взял телефонную трубку и позвонил кому-то. Он ещё несколько раз звонил своим начальникам, а мама плакала. Потом он сказал, чтобы мама дала ему паспорт, мои документы и письмо от папы.

Он внимательно осмотрел их со всех сторон и написал какую-то бумагу.

– Вот вам пропуск, – сказал он маме. — С ним и паспортом вас проведут куда надо, а ребёнок посидит здесь.

Появился другой красноармеец, который повёл маму куда надо. Мамы долго не было. Наконец она появилась. Она шла,

улыбалась и говорила спасибо красноармейцам, которые пропустили её в Большой дом.

– Мишенька, нам разрешили встретиться с папой, – сказала она.

Как мы искали и нашли папу на фронте

На следующий день мама взяла наши документы, пропуск, который нам выдали в Большом доме, и отправились к папе. Сначала мы долго ехали на одном, а потом на другом трамвае, пока вагоновожатый не сказал:

– Всё! Приехали. Выходите! Дальше – запретная зона.

Мы вышли из трамвая. Сзади, откуда мы приехали, стояли разрушенные дома. Мы пошли вперёд. Вдруг как из-под земли появился красноармеец с коротким ружьём, который строго спросил:

– Куда идёте, где ваш пропуск?

Мама показала ему пропуск, паспорт и спросила:

– Вы не могли бы помочь нам найти Соловьёва Михаила Михайловича?

– Нет, – сказал он. – Идите дальше вот туда, – и махнул рукой вперёд, – и спрашивайте у других часовых.

Мы долго ходили и спрашивали у красноармейцев, появившихся как из-под земли, знают ли они Соловьёва Михаила Михайловича и где его надо искать. Но никто не знал, где находится мой папа.

Наконец один красноармеец сказал:

– Идите по этому окопу. В конце окопа будет землянка. Может, там вы найдёте Соловьёва.

Мы пошли по глубокой канаве. Канавка кончилась, но землянки не было. Была дырка. Мама наклонилась, сунула голову в дырку и сказала:

– Помогите мне найти Соловьёва Михаила Михайловича.

Кто-то ответил:

– Я здесь!

Из дырки высунулась голова моего папы. Мама и папа так обрадовались тому, что нашли друг друга, что даже забыли про меня. Но потом папа опомнился и стал обнимать и целовать меня. Мама сказала:

– Давай посидим здесь. Я тебе всё расскажу.

– Нет, – сказал папа, – лучше спустимся в землянку. Здесь нас могут подстрелить немцы.

Через дырку мы спустились в землянку – большую и глубокую яму. Там было темно и холодно. Мама и папа по очереди рассказывали что-то друг другу, а я рассматривал землянку. В землянке по бокам стояли широкие деревянные скамейки, на которых лежали шинели. На стене висели короткие ружья с приделанными к ним круглыми железными банками. Под ними на полу стояли железные ящики. Один из ящиков был открыт. В нём лежало много пуль.

Я взял одну пулю и спросил:

– Папа, можно я возьму себе эту пулю?

– Нет! – строго сказал папа. – Патроны – не детские игрушки.

Они нужны для того, чтобы убивать немцев, защищать вас.

Через дырку в землянку заглянул кто-то и сказал:

– Соловьёв, тебе скоро заступать в дозор.

Папа встал и о чём-то поговорил с головой, просунувшейся в дырку. Голова исчезла.

Мама снова стала рассказывать папе, как мы жили зимой и как мы получили разрешение эвакуироваться из Ленинграда, чтобы найти Толю, и как нам дали в Большом доме пропуск на фронт.

– Извини, Лиля, – сказал папа, – мне очень жаль, но скоро начнётся артобстрел, а сейчас я должен идти в дозор. Поэтому я провожу вас и покажу безопасную дорогу домой, в Ленинград.

В дырке опять появилась голова, которая спросила:

– Соловьёв, ты ещё здесь?

– Да, здесь, – ответил папа. Голова исчезла, а через дырку в землянку пролез красноармеец. В руках он держал что-то, завернутое в зеленую материю и перевязанное верёвкой. Он протянул папе этот пакет и сказал:

– Это всё, что мы смогли собрать. Подождите немного, мы соберём ещё.

Папа сказал:

– Спасибо, но ждать мы не можем. Скоро начнётся артобстрел.

Я хотел сказать папе, что бомбёжек и артобстрелов я не боюсь, но не успел. Папа передал пакет маме и сказал:

– Прости Лиля, это всё, что они успели собрать вам в дорогу. А теперь идём.

Папа встал, вылез через дырку из землянки, а мы за ним. Он шёл по канаве нагнувшись. За ним шла мама и тянула меня за руку. Иногда он оглядывался на маму и говорил:

– Лиля, нагнись пониже.

Мы шли по канаве то вправо, то влево, то вперёд. Наконец папа остановился, выглянул из канавы и сказал:

– Лиля, видишь поле, а дальше насыпь. В ней мостик. Вот туда вы пройдёте, но быстро. За мостиком тоже будет поле, но там уже безопасно для вас.

Папа* с мамой ещё несколько раз поцеловались, после чего папа сказал:

– Идите быстрее. А ты, Миша, слушайся маму.

И мы быстро пошли, почти побежали к мостику.

Как мы с мамой торопились съесть хлеб до того, как нас убьют

Идти быстро или бежать по полю было трудно, так как на нём было много больших ям от взрыва бомб и снарядов. Не успели мы добежать до мостика, как начался артобстрел, о котором говорил папа. Он был страшнее, чем бомбёжка или артобстрел в Ленинграде. Там мы прятались внутри дома, забирались с Толей под дубовый стол.

* Папа погиб на завершающем этапе полного снятия блокады Ленинграда – 26 января 1944 г. при освобождении г. Гатчины, где захоронен на братском воинском кладбище.

А здесь что-то противно свистело и бабахало со всех сторон, валил чёрный дым. Мы мчались с мамой быстро, как могли, к мостику. Вокруг всё грохотало. Наконец мы добежали до мостика и заползли под него. Мама сказала:

– Миша, я думаю, в мешке, который нам дал папа, – еда, хлеб. Давай посмотрим, что там ещё есть?

Она развязала верёвочку и на дне зелёного мешка, какие носят за спиной красноармейцы, мы увидели пакет, завернутый в газету. Так и есть. Там была еда: толстые куски хлеба, а на них тонкие куски чего-то белого. Ещё там был сахар и железная банка. Я сразу догадался – это консервы.

Я спросил маму:

– А что это белое на хлебе, масло?

– Нет, – сказала она, – это сало. Ты любишь сало? – спросила она.

Я никогда не видел и не пробовал сало, но сказал:

– Да, люблю!

Артобстрел продолжался. Тут мама неожиданно спросила меня:

– Миша, вдруг в нас попадёт снаряд. Может, нам съесть хлеб и сало на всякий случай?

Я всегда хотел кушать. Поэтому сказал:

– Да!

И мы начали быстро есть хлеб с салом. Чем ближе раздавался свист, чем сильнее бабахало и взрывалось, тем быстрее мы ели хлеб с салом. Я старался быстрее проглотить то, что было во рту и даже не чувствовал вкуса сала.

Вдруг артобстрел прекратился. Снаряд в нас не попал, нас не убило, а мы влопыхах съели почти весь хлеб с салом. Я чуть не заплакал.

Мама успокаивала меня:

– Хорошо, что мы не успели съесть сахар и консервы.

Мама сложила сахар, консервы, остатки хлеба в зелёный мешок. Сала уже не было, а я так и не узнал, нравится оно мне или не нравится. Мы выползли из-под мостика и пошли по полю в сторону разрушенных домов. Иногда появлялись

красноармейцы, которые предлагали нам показать пропуск. Так мы дошли до того места, куда мы приехали на тамвае.

Как мы собирались в эвакуацию

Домой мы доехали на тамвае и сразу пошли к Кузьмичу – рассказать ему, как мы ходили к папе на фронт. Он послушал маму и говорит:

– Очень хорошо. Молодцы! А я подготовил документы для эвакуации вас через Ладожское озеро. Собирайте вещи, которые вы возьмёте с собой. Не берите много вещей, берите только самое необходимое. Завтра к вечеру я приду опечатать вашу комнату и помогу на тележке отвезти ваши вещи на Финляндский вокзал. Посажу вас в поезд, который привезёт вас на берег Ладожского озера. А оттуда через Ладогу – на Большую землю.

– Мы поплывём на пароходе? – спросил я.

– Да, на пароходе, – ответил Кузьмич.

Я обрадовался:

– Ура! Я никогда не плавал на пароходе.

Весь следующий день мы собирали вещи, необходимые нам для эвакуации. Я собрал все мои игрушки, книги и сложил их в чемодан, с которым мама хотела эвакуировать меня в начале войны. Игрушек было так много, что они не помещались в чемодан. Чемодан не закрывался. Мама сказала:

– Миша, возьми с собой одну или две маленькие игрушки. Остальные пусть останутся в чемодане здесь. Будешь играть ими, когда вернёшься в Ленинград.

Мама тоже собирала вещи и складывала их на кровать. Получилась огромная куча необходимых вещей. Это была моя, Толина и мамина одежда, одеяла и простынки, чашки, ложки и кастрюля, наши сандалии, сапоги и другие разные вещи. Очень хотелось ей взять с собой в эвакуацию швейную машинку.

Пришли попрощаться тётя Тоня и тётя Маша. Они сказали, что их отпустили из военной части попрощаться на часок и ушли.

Пришёл Кузьмич. Опечатал нашу комнату – наклеил две чёрные лепёшки, связанные верёвочкой, взял у мамы ключ и закрыл им замок нашей комнаты.

Мы пошли с мамой пешком, а он вёз наши вещи на тележке. Мы прошли мимо Большого дома, где нам дали пропуск к папе. Перешли Неву по мосту и оказались на Финляндском вокзале. Здесь нас ждал поезд. Но это был не такой поезд, на котором мы приехали в Ленинград с дачи. Вагоны были красного цвета. Вместо окон были два маленьких окошечка и одна огромная дверь. Кузьмич сказал:

– Это товарный поезд. Сейчас я заброшу ваши вещи в вагон, а потом помогу и вам забраться в вагон.

Когда мы забрались в вагон, где было очень много детей и женщин, сидящих на узлах и чемоданах, мама высунулась из огромной двери вагона, наклонилась к Кузьмичу, поцеловала его и сказала:

– Большое, большое спасибо тебе, Кузьмич!

Кузьмич сказал:

– Да ладно вам. Скорее возвращайтесь, – отвернулся, вытер пот с лица и пошёл, толкая перед собой тележку.

Шторм на Ладожском озере

Перед отправлением поезда всем дали еду – хлеб и вкусную кашу. Потом поезд тронулся. Мы ехали в темноте. Пошёл дождь. Кто-то сказал:

– Это хорошо. В такую погоду немецкие самолёты не летают и не бомбят. Хорошо бы нам в такую погоду переплыть Ладогу.

Через некоторое время поезд остановился. Было темно. Лил дождь, дул сильный ветер. Вокруг был лес. Пришёл военный и сказал:

– На Ладоге шторм. Плыть в такой шторм нельзя. Будем ждать здесь, пока шторм не стихнет.

Мы ждали окончания шторма ночь, день и ещё ночь и день. Очень хотелось кушать.

Мама достала банку консервов, которую нам дал папа. Другой еды у нас уже не было.

– Товарищи! – громко сказала она. – Кто хочет обменять хлеб на консервы? Только у нас нечем открыть консервную банку.

Несколько человек достали свой хлеб, отрезали от него по кусочку и все эти кусочки хлеба отдали нам, а мама отдала им банку консервов. Когда они открыли банку, то дали консервов и нам.

Мама сказала мне:

– Вот видишь, Миша, спасибо папе. Мы вкусно перекусили и ещё у нас остался хлеб на завтра.

Как мы плыли по Ладоге

На следующий день дождь прекратился, ветер стал не таким сильным. Подъехали грузовые машины, на которых нас с нашими вещами повезли к берегу Ладожского озера.

Там, где мы жили на даче, тоже было озеро, в котором мы купались. Но Ладожское озеро оказалось огромным морем, по которому бежали волны и брызгали нам в лицо, когда мы подходили близко к самому краю берега. Парохода я не увидел. У самого берега качались большие железные лодки. У них не было ни труб, ни мачт, как у пароходов. Была только небольшая кабина и дыра, такая же большая, как дверь у вагона, в котором мы приехали. В эту дырку моряки побросали наши вещи. Потом они стали помогать людям перейти с берега на лодку по доскам и спуститься через дырку вниз, внутрь лодки. Маленьких детей моряки несли на руках.

Я шёл сам вместе с мамой, которую поддерживал моряк. Внутри лодки было очень много людей, которые сидели на вещах – узлах, чемоданах. Тех, кто не поместился в нашу лодку, моряки отводили в другие такие же лодки. Загрохотал мотор, и наша лодка стала сильно качаться. Кто-то сказал:

– Поплыли.

Через дырку в лодку на нас летели холодные брызги.

Матрос крикнул:

– Задраить люк! – брызги прекратились, но стало темно. Лодка так сильно качалась, что меня стало тошнить и даже вырвало. Мама пробралась к дырке и стала кричать кому-то:

– Помогите ребёнку, ему очень плохо. Очень плохо!

Тот, кто был наверху, ответил маме:

– Сейчас отдраю люк, а вы дайте мне ребёнка. Пусть он подышит свежим воздухом.

Какие-то люди стали передавать меня друг другу, пока моряк не подхватил меня, отнёс и посадил между толстыми верёвками – канатами. Он сказал, чтобы я крепче держался за канаты и глубже дышал. Я дышал свежим воздухом и мне стало лучше, перестало тошнить.

Тут над нами низко пролетел самолёт и полетел к другим лодкам, которые плыли впереди нас. Матрос крикнул мне:

– Держись крепче! – а сам стал строчить из пулемёта по фашистскому самолёту. Самолёт возвращался несколько раз и пролетал над нами. В это время матрос строчил в него из пулемёта. Потом самолёт улетел. Меня перестало тошнить, и матрос вернул меня маме.

Когда мы приплыли к другому берегу Ладожского озера, нам рассказали, что это был фашистский самолёт – мессершмидт. Пролетая над нашими лодками, он стрелял в нас из пулемётов. Он убил и ранил много людей, которые плыли в других лодках. Нам повезло, фашист ни разу не попал в нашу лодку, и мы все остались живы.

На берегу

На берегу Ладожского озера, куда мы приплыли, стояли грузовые машины. Красноармейцы и моряки переносили наши вещи из лодок на машины. На этих машинах нас привезли к поезду с такими же товарными вагонами, в которых мы ехали из Ленинграда к Ладожскому озеру. К нашему вагону подошёл военный и сказал:

– Я начальник поезда. Сейчас те, кто может ходить, пойдут со мной в пункт питания. Дети и те, кто не может идти, остаются в вагоне. Еду им привезут.

Мама пошла с начальником поезда, а я остался ждать её.

К нам подъехал и остановился пассажирский поезд, на зелёных вагонах которого были нарисованы красные кресты. Из вагона выпрыгнули молодые тётки в белых халатах. Я стоял у большой двери нашего вагона и смотрел на них. Они стали задавать мне вопросы: как меня зовут, откуда и куда я еду, где моя мама и где мой папа.

Тут как раз вернулась моя мама. Она принесла еду – хлеб, котелок с супом и банку с кашей. А ещё она сказала, что поезд с зелёными вагонами, на которых нарисован красный крест, это санитарный поезд. Он возьмёт раненых с тех лодок, которые плыли впереди нас, и отвезёт их лечиться.

Не успели мы покушать, как наш поезд тронулся и поехал медленно-медленно. Мы с мамой подошли к большой двери нашего вагона и я увидел, как из санитарного поезда спрыгнула тётка в белом халате, побежала за нашим поездом, догнала наш вагон, кинула нам в дверь кулёк и крикнула:

– Это курчавому мальчику из Ленинграда!

В кулёке оказался большой кусок сахара. Такой большой, что из него можно было наколоть тысячу кусочков, которыми угощала меня тётка Сара после отбоя воздушной тревоги.

Наш поезд ехал медленно, я стоял у открытой большой двери вагона и смотрел как уплывали назад дома, люди, деревья. Во рту у меня медленно таял кусок сладкого сахара. Ко мне подошла мама и развязала узелок верёвочки, которой был привязан к моей руке кусочек клеёнки, на котором было написано чернильным карандашом:

*Соловьёв Миша
Род. 21 мая 1936 г.
Ленинград
Ул. Красной Связи
Дом 6 кварт. 2*